

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Фламандка Хелеен Дебрюйне (1988), автор остроумных газетных колонок и ведущая популярной радиопрограммы, выводит в своем первом романе «Филонщики» живописную череду персонажей, знакомящих нас с повседневной жизнью Бельгии. В сонном городке Розеларе оказались петербурженка София, темнокожий чемпион Макс, сбегавшая из Италии Мариэлла. Мир тесен, а уж Розеларе и подавно...

Хелеен Дебрюйне

Ф И Л О Н Ш И К И

(фрагмент из романа¹)

Казалось, кто-то перенес монастырь «Матерь Божья, утешительница скорбящих» на подъемном кране из русского раздолья и нечтоже сумняшеса засадил в Вестхук. Церквушка была покрыта разноцветной черепицей, налицо была и башенка с лоснящейся желтой луковкой. Именно так Виллем представлял себе православные русские церкви. Тут же стояло беленое известью строение, в котором жили монахи. В палисаднике копошились крупные куры.

На лавочке на солнцепеке сидели трое упитанных бородатых монахов в рясах. Один из них чистил картошку ножичком, лезвие которого от долгого употребления стерлось и приняло форму полумесяца. В ногах у него стояло ведро, куда он ронял длинные спирали очистков.

Из «субару» высунулась левая нога на шпильке, а за ней появилась и сама София; она выволокла из машины мать, водрузила на нос большие солнечные очки и взяла Матушку под руку.

¹ Публикуется с разрешения автора и издательства «Трудовая пчела» (De bezige bij, Amsterdam). Перевод выполнен при поддержке Фламандского литературного фонда (VLF).

— Мерси, что подбросил, Виллем, — сказала она. — Но тут в самом деле красиво, тихо. Сам теперь убедишься.

Они с матерью направились к монахам.

— Отец Томас здесь? — спросила София.

— Отец Томас?

Троица переглянулась.

Наступила тишина, лишь картофельные очистки глухо шлепались в пластмассовое ведро.

Тот, что слева, кашлянул и поскреб бороду. Сидящий посередине монах пихнул его локтем и сказал: «Да расскажи ты им».

— Отца Томаса здесь больше нет.

— Мы давно уже заметили, что вера в нем убывает, — сказал чистильщик картошки, — Бог дал, Бог и взял. Вряд ли он в ближайшее время вернется. Вещей он не оставил.

— Только рясы его и молитвенники здесь.

— Может, это он по зову господню. Ну, или по зову дьявола. Уж очень он вином баловался последнее время.

— Но ведь он мне встречу назначил, — с трудом вымолвила София.

Виллем как раз подошел и, подбоченившись, встал рядом. Мари-элла с отцом из машины не вышли. До Виллема явственно доносились обрывки итальянских фраз.

— Такие дела, — сказал средний монах, поднимаясь и кладя руку на плечо Софии. — А вы по какому поводу?

— По словам отца Томаса, в меня вселилась какая-то нечисть, жалуюсь на вялость и проблемы с кишечником.

— Tiens! Что ж, и я изучил пути дьявола. Может быть, я смогу вам помочь. Пойдемте в храм.

— Погоди, София. — Виллем насторожился. Давно ли он читал в газете про шарлатана, по вине которого в процессе изгнания беса утонула девушка?

Монах не походил на плута, но кто его знает. Если какой-то недоумок навредит Софии, Виллем себе этого никогда не простит.

— Мне с вами зайти?

— Любопытным здесь не место, так дело не пойдет — мы вам не ярмарочные фокусники. Вы верующий?

— Нет, но, э... может, София хочет моего присутствия.

— Если вы неверующий, то не сможете помочь. Молитвой. Так что лучше уж мы без вас.

Нет бы этому монаху заткнуться, он Софии и слова вставить не дает.

— София, тыбыхотелачтобыя...

— Non, non, Виллем, meci, все в порядке, правда.

— Да что он там с тобой вытворять будет?

— Уважаемый, я должен обследовать даму, это во-первых. Затем мы — возможно — будем изгонять нечистую силу. Но не так, как в ужасиках. Мы медитируем посредством интенсивной молитвы и исполняем определенные древние ритуалы. Физического насилия не применяем. К нему у зла все равно иммунитет.

— Это верно, — сказал чистильщик картошки. — Вы тут посидите на солнышке с братом Петером. А я вам кофейку принесу.

На глазах у Виллема монах повлек Софию в церковь. Матушка засемила следом. Ей, получается, вход не был заказан. По-видимому, она как верующая сможет поддержать их молитвой.

Странное дело — бабы с этой их непонятной верой, подумал он. Что бы этот монах ни говорил, от описанного им действия за версту разило экзорцизмом. Лучше бы к врачу ходила, так нет же, подавай ей эту немытую банду бородатых экстремистов. Где Россия, а где Европа... Стоп, это затертая фраза. Надо освободиться от предрассудков. В отличие от большинства людей, уверенных, что мыслят непредвзято, Виллем обладал строгим внутренним голосом, который не позволял ему мыслить штампами.

Брат Петер взял со скамьи наполовину очищенную коллегой-монахом картофелину и продолжил работу. Он указал на монаха, взявшего Софию на буксир.

— Он, брат Адриан, свое дело знает. Этот дар у него давно. И Бог к нему милостив. Возможно, он станет нашим новым архимандритом. Что ж, мы за, и епископ наверняка согласен.

— Э? — Виллем рассеянно взглянул на сидящего рядом монаха.

Тот говорил, чтоб ему пусто было, на таком же западнофламандском, как и исчезнувший отец Томас.

— Так, и какой же здесь расклад: голосовать будете? Демократия у вас, что ли?

— Типа того. Кстати, после ухода отца Томаса мы остались втроем. Теперь решение можно будет вынести в два счета.

— Как случилось, что все вы здешние, из Западной Фландрии?

— Это долгая история. Тебе интересно?

Не особенно, но отвертеться уже не удастся.

— Когда-то давно мы все трое жили в Вествлетерене. Знаешь его, наверно — там пиво варят. Короче, там нам разонравилось. Тамошние монахи не сильно о Господе радели, им легкой жизни хотелось. А уж пивоварня эта! Целый бизнес раскрутили. Не от Бога это, если нас спросить. Вот мы и двинулись вместе в православную обитель в Гааге. Решили начать заново.

— Ну и как?

— Лучше не бывает, мужик. Во всем ощущалось присутствие Господне. Бог есть жар, Бог в нас, Бог с нами. Ну вот, и когда архимандрит Гаагского монастыря захотел, чтобы мы основали новый монастырь в Вестхуке, нас долго уговаривать не пришлось. Мы здешние. И у него на примете был еще кто-то, говорящий по-русски, тоже из Западной Фландрии, для привлечения местных русских это самое оно. Понимаешь, раньше и здесь Бог чувствовался во всем, но теперь его поубавилось. Так что без дела не сидим. Распространяем слово Господне по всему миру, allez, Вестхуку. Лиха беда начало. А народ между тем тянется в наш храм. В Вестхуке немало мятущихся. Да и русских женщин хватает. По их словам, они перебрались сюда, потому что мужики здесь лучше и меньше водки глушат. Но чего-то им все же недостает. Матери, подруг, русской души — поди разберись. Как раз эти блудные овечки и ищут у нас утешения. Так что мы тут все поголовно шпарим по-русски.

Виллема снова охватило необъяснимое отвращение к храмам и верующим. У него просто в голове не укладывалось, что какие-то бредовые байки так легко овладевают умами.

Да и служителей бога это не красит, ведь русские женщины — легкая добыча. Приедет такая сюда и окажется одна-одинешенька в чужой стране с мужиком, у которого мошна, может, и потолще, зато изо рта воняет. Да взять хотя бы ту же Софию. Хотя нет, к ней это как раз не относится. Она не из-за денег на это пошла, ведь Мариэлла рассказала ему прошлой ночью про наследство. «You don't know about that?» — удивилась она. Нет, об этом он, черт побери, понятия не имел. Зачем же тогда он ей понадобился в качестве гаранта для матери? Он вовремя подавил закипающий гнев. Дело скорее всего в налоговых тонкостях. Идею, должно быть, Лионель подкинул. Надо бы расспросить Софию, но она с утра не в себе. Успеется. К тому же вид у Матушки, надо отдать ей должное, — другого слова не подберешь — цветущий. Не похоже, что это воплощение здоровья собирается в ближайшие десять лет отдать концы.

Ведь сколько лет уже прошло, а Лионель все не устал радоваться моменту отделения самолета от земли, успокоительной рутине улыбочивых стюардесс, в сотый раз демонстрирующих то, от чего в случае реальной аварии не будет никакого толку. Томас сидел бок о бок с ним. Он еще не свyksя с синим костюмом, заменившим сутану. Странно смотрелась и длинная седая борода, с которой он, по-видимому, пока не готов был распроститься.

— Послушай, Томас, я тут почитал про Комарово: очень даже интересная история. Ты в курсе, что это довольно долго была территория Финляндии? А потом Советы построили там дачи. Шостакович, например, там дачу получил, ученые, поэты...

— Анна Ахматова,— кивнув, сказал Томас, которого Лионель все еще мысленно называл отцом Томасом.— Слышал про такую?

— Хм. Кажется, София ее любит. Даже наизусть читает. Красиво, по-русски. Но поэзия — не мое. Я больше изобразительным искусством увлекаюсь. Причем современным. Фабр. Дельвой. Мужики, ничего не скажешь. Но что коммунисты видным людям из Петербурга дачи раздавали, а остальных в бетонные корпуса запикивали — дикость, если меня спросить.

Лионель, в эпоху Тэтчер обратившийся в неолиберализм, всецело полагался на корректирующую способность свободной экономики и вставал на дыбы при малейшем вмешательстве властей... Система, не позволяющая людям отличиться, нежизнеспособна. В мире без исключений можно подохнуть от скуки. Стремление к успеху свойственно человеческой натуре.

— Выходит, отец у Софии был большой шишкой, раз ему там дачу выдали.

— Это факт. Хотя она не любит об этом говорить.

— Ну да? Даже с тобой?

— Я не вправе об этом рассказывать. Меня связывает тайна исповеди, этого даже сан архимандрита не изменит. Сказанное на исповеди навсегда остается в тайне.

Лионель кивнул, вздохнул, снова затих. После недолгого сомнения он все же отважился задать вопрос:

— Послушай, в интернете я ничего не нашел о месторождениях газа в Комарово. Но это нам на руку, верно?

— Само собой! Сейчас ориентировочная стадия, этого пока особо не развывают. Хотят начать с пробного бурения, а для этого, конечно, нужен участок.

Вот на этом-то участке и стояла дача покойного тестя Лионеля — бывает же такое везение. Все необходимые изыскания он провел, уж он-то не провалит дело из-за этого словоохотливого попа, бойко говорящего по-русски. Вся Европа пресмыкается перед Россией, это он в интернете прочитал — там месторождения газа, на котором работают остатки европейской индустрии и частные хозяйства. Премьер-министры европейских стран иногда в панике призывают основать энергетический союз и тем самым сломить мощь России, но быстро умолкают. Их умирляют лоббисты Газпрома, крупнейшей компании в России и крупнейшего в мире газодобывающего концерна: только в 2111-м продукция Газпрома составила 513, 3 миллиарда кубов газа. Под контролем Газпрома находятся 17 процентов мировых запасов газа. Это серьезный игрок. Каждая из европейских стран торгуется с Газпромом в одиночку. Компания, естественно, потирает руки: таким образом легко сохранять высокие расценки. Фактически Газпром и есть Россия: государство — его основной акционер, согласно Википедии.

Почему же тогда не нашлось желающих более серьезного калибра, которые бы выложили на стол солидную пачку денег и выкупили у Матушки ее участок, осведомился Лионель у Томаса, встретившись с ним в очередной раз в чайной «Коридор смертников».

— Лионель, друг, ты Россию не знаешь. Здесь это так просто не делается. Торги тут — длительный процесс, у них свои правила. Надо знать, кто какую позицию занимает. Я не к тому, что тебе это не по зубам, а к тому, что страну ты не знаешь, лазеек в законодательстве не знаешь, а главное: языка не знаешь. А я знаю.

Так-то оно так, подумал Лионель, но когда Томас был там в последний раз, до пострига: в 1997? В 1998? Такая страна, как Россия, на месте не стоит.

В ту же секунду Томас сказал: «Вижу, ты думаешь: а когда этот чувак там в последний раз был? Так вот: я регулярно в Россию езжу, каждый год. В ретрит».

— Но ведь церковь и бизнес — два совершенно разных мира?

— Все-то ты спешишь, Лионель. Не даешь мне высказаться. Хотя я и ценю это в тебе. Это еще ничего не решает. Русские, они такие: если ты их в спину не пырнешь, они тебя на произвол судьбы не бросят. Кое-кто из этих парней многого добился, все эти годы действовал с умом. В этой стране можно серьезно разбогатеть, тебе такое

богатство и не снилось. Надо уметь подмазаться к ребятам Путина. Возьми моих приятелей: они выдвинулись из самых низших слоев Газпрома. Я и сам удивляюсь, но они до сих пор со мной советуются. По вопросам веры — ведь после падения Берлинской стены у православной церкви начался период расцвета, и ее популярность продолжает расти. Русские тоскуют по так называемой русской душе, и многие приходят за этим в церковь. Стало быть, и ко мне. Ну, в общем... Бывает, они обронят походя что-нибудь о делах. Мне они доверяют, как раз потому, что я стороннее лицо.

Разговоры с Томасом укрепляли в Лионеле веру в себя. Россия была новым миром, неизведанной территорией, которую такому, как Лионель, сам бог велел освоить. Лионель охотно соглашался — ему приелась предсказуемая Фландрия, которую он знал досконально, как содержимое своих кухонных шкафчиков. Надо слетать, прощупать почву, как минимум продать дачу, а может, подумалось ему, он и деньги вложит, непосредственно через этих ребят из Газпрома. Глядишь, и вернется с сюрпризом для Софии: удвоит ее наследство в ее же собственной стране. Они могли бы в один прекрасный день перебраться в Россию. Что им терять, если честно?

Как назло, он сидел в тесном кресле самолета, как в тисках, и не мог в полной мере отдаться нарастающей эйфории. Надежда и возбуждение ударили ему в голову, как крепкий напиток: хотелось бешено размахивать руками, прыгать по-боксерски, выбрасывая вперед кулаки. Точно так же он себя чувствовал в тот раз, когда сунул в чемодан презервативы. Тогда он тоже находился в преддверии чего-то нового, необъятного, принял решение и должен был отрезать себе путь к отступлению. Когда он рассчитывался с аптекарем за пачку «Дюрекса», возбуждение, уже которую неделю охватывавшее его при мысли о Софии, стало осязаемым, он сразу почувствовал, как встает его член, набухая в штанине. Он ни секунды не думал ни о чувствах своей жены Анн, ни о неотвратимом разводе. Раз уж решился, надо действовать, безоглядно двигаться вперед, в иную жизнь.

Слава богу, я не стыжусь учиться на собственных ошибках, подумалось ему. Как это назвать — прозрение, что ли?

Надо вообще-то поставить Софию в известность. Но что он ей скажет? Что рылся в Матушкиной тумбочке, когда та с Софией вышла погулять — эвфемизм для закупки никому не нужного хозяйствен-

ного барахла, — пока не нашел свидетельство о праве собственности на госдачу? В море бумаг, пестрящих кириллицей, он-таки распознал искомые документы, сверив их со снимками соответствующих актов, которые прислал отец Томас.

Он столько уже успел наврать о своем разорении, что нагромождать очередную ложь на эту и без того кренящуюся башню опасно. Разумнее промолчать, это как пить дать. Двигаться вперед, стиснув зубы. Добиваться успеха. Восстанавливать разрушенное. София не должна считать каждую копейку, ей нужен комфорт. Нужен мужчина, на которого она будет смотреть снизу вверх.

Он позвонит ей только после заключения сделки. Кстати, тогдашняя ситуация с Анн не имеет ничего общего с нынешней. Какое может быть сравнение. Контекст, дружок, все дело в контексте, внушал он себе.

К горлу вдруг подступила тошнота. Должно быть, из-за перепадов давления и спертого, сухого воздуха, какой всегда бывает в салоне самолета. Словно все в его жизни сместилось, перемешалось, а он, предоставленный самому себе, тщился разложить все по полочкам. Но как? Мир, в котором он хотел навести порядок, казался все более непонятным и враждебным.

*Перевод с нидерландского
Нины ТАРХАН-МОУРАВИ*